

Музей, которого нет: Марк Шагал и его наследие в Израиле

Шагал у своей росписи в здании Кнессета

После моей статьи в апрельском номере «Хадашот» о Моше Кастеле и его музее я получил несколько писем с вопросом о том, неужели в Израиле нет музея Марка Шагала — крупнейшего еврейского художника. История отношений Шагала с Израилем — это полувековая сага, где обе стороны испытали едва ли не больше разочарований, чем радостных минут, и тема эта заслуживает отдельного обсуждения.

Привлечь Шагала к созданию музея искусств в Эрец Исраэль пытался еще в начале 1930-х годов первый мэр Тель-Авива Меир Дизенгоф, договорившись с художником о том, что тот возглавит комитет по созданию в городе музея. Шагалу идея очень понравилась, о чем он 13 января 1931 года послал мэру письмо, кстати, на русском языке.

Шагал вынашивал идею еврейского художественного музея долгие годы. Как считает профессор Бенджамин Харшав, на эту мысль его натолкнул первый покупатель его картин в Петербурге коллекционер Яков Фабианович Каган-Шабшай, в годы Первой мировой войны приобретший тридцать работ Шагала для национального музея, который собирался основать. Еще в 1918 году Шагал думал о некоем «еврейском крыле» в будущем городском музее Витебска, а в 1921 году в письме Юделю Пэну — своему первому учителю живописи — выражал надежду на то, что будет создан Центральный еврейский музей, куда попадут и лучшие работы Пэна. Однако уже в 1922 году Шагал оказался в эмиграции, и идея еврейского художественного музея в СССР так и не была реализована.

Как бы там ни было, мэр Тель-Авива вышел на связь с Шагалом через друга и соратника художника — скульптора Хану Орлову — уже в Париже. С 1904 по 1910 г. Хана Орлова жила в Эрец Исраэль, и Меир Дизенгоф был знаком с ней.

В письме Дизенгофу Шагал назвал имена пяти художников еврейского происхождения, работы которых, по его мнению, должны занять центральное место в создаваемом в Тель-Авиве музее: он выделил голландского художника Йозефа Израэльса (1824-1911), французского импрессиониста Камилля Писсарро (1830-1903), двух обитателей Монпарнаса: Амадео Модильяни (1884-1920) и покончившего с собой за считанные месяцы до этого письма Жюлья Паскина (1885-1930), и уроженца Берлина Макса Либермана (1847-1935). Картин никого из этих мастеров в Тель-Авиве на тот момент, скорее всего, не было даже в частных собраниях, и задача, поставленная Шагалом, показалась мэру неподъемной. 44-летний Шагал в 1931 году провел в Палестине/Эрец Исраэль два с половиной месяца, но продвижением проекта, ради которого он и приехал, остался очень разочарован. В интервью парижскому еврейскому еженедельнику «Рассвет» художник так прокомментировал ситуацию вокруг музея:

«Это сложный вопрос, и — скажу прямо — у меня совсем мало надежды на то, что он разрешится благополучно. ... Все дело ведь в том, как подойти к такому начинанию. Я набросал беспристрастный художественный план, наметили залы: Израэльса, Либермана, Писсарро, Модильяни, Паскина — в качестве остова, базы, вокруг которой могла бы группироваться и разрастаться подлинная художественная молодежь... Ведь гораздо легче, подчеркиваю, реализовать серьезный план собирания еврейских художественных ценностей — я говорю о подлинном музее — с чистой, выдержанной на 100 процентов программой, чем что-нибудь убогое, полное компромиссов, куда даже и культурный турист не заглянет... Для этого нужна на несколько лет настоящая диктатура людей строго компетентных, которым доверяют и кому всецело предоставляют художественное руководство. ...Есть опасность: из этого музея выйдет второй «Бецалель». Хотят портреты еврейских знаменитостей. Разве важно для музея, что это портрет Леона Блюма? Важно ведь, как и кем он сделан, а то, что он изображает именно Блюма, — на втором плане. Хотят завалить этот музей какими-то муляжами, гипсами, копиями. Кому это нужно? К чему весь этот заплесневевший хлам? Тут не место покладистости — надо уметь даже отвергнуть подарок, если он

идет вразрез с намеченным художественным планом. Но если все это несерьезно, я сниму с себя всякую ответственность за ход этого дела... Одно из двух: пусть устроители доверятся нам или пусть действуют по своему вкусу. Но в этом случае я совершенно не могу допустить, чтобы какой-нибудь комитет прикрывался моим именем, оно не должно даже упоминаться!».

Враждебное отношение Шагала к столь много сделавшей для развития самобытной израильской культуры Академии «Бецалель» огорчает не меньше, чем то, что его план не реализовался — и ни в одном израильском музее так и нет ни зала Модильяни, ни зала Паскина, ни кого-либо другого из монпарнасских художников еврейского происхождения. После неудачного опыта с Шагалом была сформирована консультативная комиссия, состоявшая из четырех талантливых местных художников: Реувена Рубина, Хаима Гликсберга, Батьи Лещинской и Арье Алвейля. Шагал на открытие Тель-Авивского музея не приехал. Вероятно, решив, что худой мир лучше доброй ссоры, он уже в 1933 году подарил Тель-Авивскому музею две свои работы, но в деятельности музея участия не принимал.

По иронии судьбы в 1951 году, спустя двадцать лет после того, как Академия «Бецалель» была объявлена Шагалом антитезой тому, как он видел развитие еврейского искусства, именно в ее выставочном зале в Иерусалиме прошла его первая большая ретроспективная выставка в Израиле, на которую он приехал со своей тогдашней спутницей жизни Вирджинией Хаггард (1915-2006). В своей книге воспоминаний *«Моя жизнь с Шагалом: Семь лет изобилия»* она рассказывает о том, как рад был художник посетить Израиль, но при этом совершенно не был готов связать с еврейским государством свою судьбу:

«Марк писал мне: «Идочка [дочь Шагала] собирается в Израиль на открытие моей выставки. ... Сто семьдесят девять работ будут выставлены в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе и Эйн-Хароде — великое событие! Меня пригласили провести там июнь, это будет мой первый официальный визит в государство Израиль!».

...Марк держался немного сдержанно со всеми этими щедрыми людьми, которые встречали его не только с энтузиазмом и восхищением, но и с нескрываемой любовью. Израильтяне стремились завлечь к себе этого прославленного сына еврейского народа; он был резной фигурой, украшавшей

их корабль, они нуждались в его поддержке и престиже. Моше Шарет, министр иностранных дел, предложил Марку прекрасный дом в Хайфе и денег на расходы, если он согласится ежегодно проводить в Израиле месяц или два. Марк ничего не сказал, но кивнул благодарно, растопив эти чувствительные сердца своей чудесной улыбкой. Неудивительно, что израильтяне почувствовали себя обманутыми, когда примерно через год Марку пришлось разочаровать их.

Марк знал, что верность Израилю должна быть безусловной. Этим людям было нужно или все, или ничего; они боролись за свои жизни и выжили. Но Марк был осмотрителен, ему хотелось пользоваться благосклонностью везде, и прежде всего во Франции — именно здесь его творчество слыло универсальным. Марк не хотел, чтобы его считали еврейским художником, а для израильтян это было предательством. ...Излишне говорить, что Марк не испытывал ни малейшего желания жить в Израиле».

В 1950-е годы трижды побывал в Израиле — и тоже не связал с ним свою судьбу — еще один видный представитель «еврейского Монпарнаса» Мишель Кикоин (1892-1968). В 1950 году он впервые посетил Израиль, пробыв в стране три месяца. В выставочном зале Академии «Бецалель» в Иерусалиме, в Тель-Авиве, в Хайфе и в музее кибуца Эйн-Харод прошли персональные выставки Кикоина. В Израиле художник много рисовал, а также встречался с жившими в стране родственниками. Из второй поездки, состоявшейся в 1953 году, он привез альбом цветных литографий «Дети Израиля», вышедший в Париже через три года. Третью и последнюю поездку в Израиль Мишель Кикоин предпринял в 1958 году.

Шагал бывал в Израиле значительно чаще, чем Мишель Кикоин, причем специально для Израиля он создал несколько важных художественных проектов, выполнив серию витражей «Двенадцать колен Израилевых» для синагоги медицинского центра «Хадасса» в Иерусалиме (сам он, впрочем, был возмущен архитектурой здания, считая освещение в нем тусклым и совершенно непригодным для экспонирования его работ), спроектировав декоративные ковры и настенные мозаики для нового здания Кнессета и т.д. Отношение к художнику в Израиле было неоднозначным: вначале его очень критиковали за «галутность», за то, что он всю жизнь ментально «оставался в Витебске», когда в Эрец Исраэль социал-сионисты создавали образ «нового еврея», а ханаанейцы искали точки соприкосновения с левантийской

культурой; затем критике подвергались его многочисленные витражи и мозаики, выполненные для христианских церквей и соборов в Меце, Реймсе, Цюрихе и Майнце. При этом в 1977 году Шагал получил звание почетного гражданина Иерусалима, в 1981 году — наиболее финансово значительную в Израиле и очень престижную премию фонда Вольфа в области искусств, с ним встречались все высшие руководители страны, а его ретроспективную выставку 1951 года открывал президент Хаим Вейцман.

Идея создания персонального дома-музея Шагала, высказанная еще в 1951 году, не была забыта и позднее. Шагал, однако, предпочел создать свой музей не в Израиле, а во Франции, подарив в 1966 году собрание своих работ Пятой республике, благодаря чему в 1973-м в Ницце открылся «Национальный музей библейское послание Марка Шагала». Известный швейцарский архитектор Маркус Динер, многолетний поклонник творчества Шагала, еще в 1964 году предлагал спроектировать в Иерусалиме музей, где экспонировались бы работы Шагала на библейские темы, но сам художник предпочел Францию. О том, насколько непростым было для него это решение, свидетельствует биограф Шагала Яков Бааль-Тшува: по его словам, незадолго до смерти Шагал спросил: «Они все еще сердятся на меня в Израиле за то, что я отдал эту монументальную работу Франции?».

В том факте, что музей Шагала в Израиле так и не появился, виноват, в общем, сам художник, отвергший целый ряд подобных предложений; а вот то, что ни в Израильском музее в Иерусалиме, ни в Тель-Авивском музее, ни где-либо еще нет даже зала Шагала, объяснить очень трудно. Парадоксальным образом для Израиля Шагал одновременно и слишком «галутен», потому что всю жизнь продолжал рисовать покинутый в молодости Витебск, и слишком «наднационален», поскольку тратил свой талант везде, куда его звали работать, будь то парижская опера или немецкие церкви. Шагал был первым — и, кажется, единственным — крупным иудео-христианским художником в XX веке, через всё творчество которого неразрывно прошли как мир Торы, так и Нового завета, и в Израиле это, как правило, не могли ни понять, ни принять. Первая «Голгофа» (ныне она находится в собрании Музея современного искусства в Нью-Йорке) была создана им еще в 1912 году; искусствовед Михаил Герман охарактеризовал ее как «воспоминание о будущем: Иисус — беззащитный пришелец, отторгнут миром, он *другой*. И эта его странность — прежде всего в системе форм, близких кубизму: распятый

Христос с прозрачным голубым телом инопланетянина растерзан зубцами расколовшегося неба и оплакан слезами людей, чьи тела и лики преломлены, как в страшном сне, — сне, привидевшемся последователю Гойи и предшественнику Пикассо». В Израиле произведения Шагала можно увидеть в разных местах, но преимущественно в тех, куда мало кто приходит именно «в поисках Шагала», будь то парламент страны или синагога при медицинском центре. Музея же, где представлено внушительное собрание его работ, в стране нет.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»

Автор — председатель Центра изучения и развития современного искусства